Н.Д. Крючкова, И.В. Крючков, Г.В. Рокина

ГАБСБУРГСКИЙ МИФ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВИШЕГРАДСКОЙ ЕВРОПЫ И ЕЕ СОСЕДЕЙ

Современные политические и культурные процессы в странах Европейского союза вызвали к жизни старые мифы, расставание с которыми казалось окончательным. Авторы статьи анализируют процесс своеобразного ренессанса т.н. габсбургского мифа в государствах Центральной Европы, сохранивших в исторической памяти опыт совместного проживания в империи австрийских Габсбургов. Современная мифология не ограничивается теоретическими построениями и служит инструментом конструирования исторической памяти стран Вишеградской Европы, которые стали заметными оппонентами в политике Брюсселя. В статье рассматривается история идеи вишеградского родства, трансформации габсбургского мифа в XX в. и в Вишеградской Европе на рубеже XX–XXI вв., приводятся примеры иерархий габсбургского мифа в политической и культурной сфере, а также в повседневной жизни народов Вишеградской Европы и их ближайших соседей.

Ключевые слова: *Вишеградская Европа, габсбургский миф, историческая память, габсбургский ренессанс, мультикультурная империя Габсбургов, галицийский миф.*

В последние годы в зарубежной и отчасти в российской историографии набирают силу историко-антропологические исследования имперского прошлого, в т.ч. такого феномена как имперский миф. Воспоминания об империях становятся важным пластом в современном общественно-политическом дискурсе. В то же время в империологии обозначились разные подходы к изучению и ретроспективным оценкам такого инструмента управления поликультурным государством как политика идентичности. Такую политику в XIX в. в целях духовного сплочения разных народностей в своих границах проводила империя Габсбургов. Общеимперская габсбургская идентичность была предметом исследований различных историографических школ. В 1980-е гг., с утверждением понятий «культурная память», «коллективная идентичность», «коммеморативные практики», ученые смогли проследить, как в Дунайской империи с применением имперских институтов мифотворчества (историческая наука, архитектура, образование, государственный аппарат, армия) рождались габсбургский миф и идея «народного императора»[1].

Всеобщая ностальгия по Габсбургам в последние годы, когда ускорились процессы интеграции в Европейский союз, особенно заметна в культурно-исторической жизни Центральной Европы. Политические изменения в структуре Европейского союза и оформление Вишеградской Европы[2], в которую вошли страны, имевшие исторический опыт совместного пребывания в империи Габсбургов, привели к своеобразному габсбургскому ренессансу, возрождению, казалось бы, забытого габсбургского мифа. Вступление Венгрии, Чехии, Словакии и Польши

[1] Комлева 2014.

[2] Вишеградская Европа 2010.

в Европейский союз создали предпосылки для формирования нового «наднационального культурного сообщества», опирающегося, помимо прочего, на общие исторические судьбы в рамках империи Габсбургов.

Дискуссии вокруг понятия «европейские ценности», трудности, возникшие в развитии Европейского союза, Брексит, противостояние Европейского союза с Россией привлекают внимание исследователей и общественных деятелей к историческому наследию империи Габсбургов как попытки создания наднационального государства, особенно в таком сложном регионе, каким является Центральная Европа[3]. Множественная идентичность жителей империи требовала определенной лояльности династии при сохранении региональной и этнической идентичности, что приобрело в Европе начала XXI в. особое звучание[4].

Если, в 1980-е гг. в историографии центрально-европейских стран, наследниц империи Габсбургов, чаще вспоминали отрицательные стороны старой империи как «тюрьмы народов», «лоскутной монархии», то с конца 1990-х и особенно в последнее десятилетие XXI в. оценка роли Австро-Венгрии в европейской истории и культуре кардинально изменилась на позитив. Начиная с 1990-х гг. феномен этого сложного многонационального и многоконфессионального государства, его институциональное наследие и жизнеспособность в коллективной памяти народов Центрально-Восточной Европы непрестанно находится в центре внимания историков. В последние годы был радикально пересмотрен тезис национальных историографий об империи Габсбургов как «тюрьме народов» и анахронизме в истории европейских государств XIX века[5].

Габсбургский миф воспринимается преимущественно как идеал примирения «различий» и «многообразий», а «габсбургский компромисс» как политика мультикультурализма и мультилингвизма. Дискуссии о живучести габсбургского наследия не ограничиваются академическим сообществом. «Пока историки спорят о том, был ли распад империи естественной смертью, вызванной разложением институтов, или жестоким убийством на полях Первой мировой войны, призрак неудавшегося габсбургского эксперимента продолжает преследовать Европу[6]. Еще в середине XX в. венгерский публицист и политик О. Яси не сомневался в перспективности имперского проекта Габсбургов: «...если бы эксперимент Австро-Венгерского государства и впрямь оказался удачным, Габсбургская монархия сумела бы на своей территории решить основополагающую проблему современной Европы… Как можно уравновесить нации с абсолютно разными идеями и традициями таким образом, чтобы они могли и дальше продолжать жить своей особой жизнью,

[3] Оценку подходов современных европейских ученых к термину «Центральная Европа» см.: Шишелина 2019.

[4] Thompson 2020.

[5] См.: Judson 2016. Автор книги утверждает, что империя выступала носительницей идей о национальной общности, а локальные сообщества объединили свои усилия с династией Габсбургов для создания единого и связующего имперского государства.

[6] Крастев 2018: 10.

но в то же время ограничили национальный суверенитет до такой степени, чтобы обеспечить мирное и эффективное сосуществование?»[7]. Итальянский писатель, исследователь австрийской культуры К. Магрис, отвечая в своем интервью 2012 г. противникам концепции центрально-европейской общности, настаивал на ее существовании, видя в ней инструмент против распространения в регионе американизации и глобализации, способных разрушить уникальность региона[8].

Теоретические рассуждения ученых и литераторов использует и ряд известных политиков региона. Так, центрально-европейские консерваторы в лице венгерского премьер-министра В. Орбана и лидера польской правящей партии «Право и справедливость» Я. Качинского убеждены, что специфика региона способна создать противовес навязываемого ему крайнего либерализма и мультикультурализма[9].

Историческая встреча центрально-европейских королей в Вишеграде в XIV в. стала «местом памяти» для народов региона, который всегда был чрезвычайно сложен по этническому (национальному) и конфессиональному составу, здесь практически нет моноэтнических и моноконфессиональных государств. У государств Центральной Европы, народы которых входили в Новое время в состав империи Габсбургов, есть много общего в истории, сохраняются долгие традиции соседства, часто вынужденного и не всегда мирного. Для большинства народов региона характерны взаимопроникающие культуры (особенно это заметно в чешско-словацких и словацко-венгерских взаимоотношениях).

Чехия, Словакия, Венгрия и Польша, создали 30 лет назад неформальное объединение в интересах координации действий на пути интеграции в ЕС – Вишеградская группа или Вишеградская четверка. Эти страны связывает общность прошлого и настоящего, их народы являются носителями близкой культуры, ментальности, социального уклада; опыт взаимного проживания в Австрийской империи и Австро-Венгрии.

Если первоначально в литературе на первое место ставилась общность государств Вишеградской четверки в экономической сфере, где отмечались наиболее высокие в регионе показатели экономического развития и родственный критический, реформаторский и антикоммунистический настрой (события 1956, 1968, 1980-х гг.)[10], то в последние годы все чаще звучат оценки единого вишеградского культурного кода[11]. В научном обиходе даже появился термин Homo visegradicus, который был впервые употреблен венгерским культурологом Р. Кишш-Семаном, и стал особенно актуальным уже после вступления этих стран в Европейский союз и образования Вишеградской группы[12].

[7] Яси 2011: 18.
[8] Magris (A közép-európai kultúra ereje)
[9] См.: Barša (Habsburský mýtus)
[10] Шишелина 2019.
[11] Ведерников 2017: 79.
[12] Кишш-Семан, 2016.

Миф, созданный династией Габсбургов, развивался со времен Максимилиана I, искавшего своих легендарных предков, и был представлен в расточительных барочных постройках Леопольда I или в «материнском образе» Марии-Терезии. Но в настоящее время габсбургский миф чаще связывают с фигурой императора Франца-Иосифа, правление которого длилось 68 лет: 1848–1916 гг. Выросло несколько поколений, перед глазами которых был постоянно образ императора: портреты в школах и государственных учреждениях, инициалы «FJI» на монетах и почтовых марках, зданиях, мостах, украшениях и посуде. Огромное число его образов должно было символизировать стабильность монархии[13]. Возможно, Франц-Иосиф не был выдающимся императором, но он был выдающимся чиновником[14]. Австрийские законы, государственный аппарат, единая система мер, мундиры, печати, канцелярии, государственное жалованье и карьера – это тот универсальный элемент, вокруг которого и посредством которого возникла общность Центральной Европы и ее особый этос. Многонациональная территория не была объединена ни языком, ни историей, ни культурой, ни вероисповеданием – только обезличенность закона да единая система мер возводили это государственное образование в ранг единства[15]. Австро-Венгрия не была передовой индустриальной страной, но она смогла стать ведущим культурным центром Европы благодаря многообразию культур и традиций.

Из мифотворчества вокруг Габсбургов нельзя исключить еще две фигуры XIX века. Во-первых, это жена Франца-Иосифа, императрица Елизавета, известная под уменьшительным именем Сисси, которая вместе с Роми Шнайдер, воплотившей ее образ в популярной кинотрилогии, сделалась главной туристической приманкой и фактически товаром уже в середине XX в. После вступления в Европейский союз вишеградских стран в 1998 г. в «год Сисси», ее культ пережил невероятную кульминацию. Такого культа Сисси, который сейчас существует в Австрии и Вишеградской Европе, при ее жизни не было и близко. Реальные факты, которые не вписываются в мифологизированный образ «романтичной» императрицы, обыватель и туристическая индустрия просто отбрасывают или не хотят замечать[16]. Подобным же образом культ сына Франца-Иосифа и Елизаветы, кронпринца Рудольфа, раздувался до тех пор, пока не стал вызывать раздражение общества[17].

На протяжении нескольких столетий своего существования габсбургский миф пережил несколько этапов трансформации. Миф о «золо-

[13] Vocelka 2019.
[14] Воцелка 2007.
[15] Белоградский 1986.
[16] См.: Auf den Spuren der Habsburger… 2011.
[17] «Тайна Майерлинга» находила все новые и все более фантастические объяснения в публицистической литературе. Опровержения со стороны Габсбургов, не желавших видеть одного из представителей династии в роли убийцы и самоубийцы, оказались невероятно живучими. Это подтверждает и концепция выставки, прошедшей в нескольких музеях Вены к 100-летию со дня смерти Франца-Йосифа.

том веке» Габсбургов стал создаваться еще при жизни Франца-Йосифа. История и литература приводят примеры того, как катастрофически упали акции Габсбургской династии в ходе и после Первой мировой войны[18]. Современникам той эпохи казалось, что его возрождение в дальнейшем невозможно. Как писал Ярослав Гашек в «Повести о портрете императора Франца-Иосифа»: «Высочайшие портреты хранятся в депозите военного суда в Терезине и ждут часа своего освобождения, когда после распада австрийской монархии какой-нибудь предприимчивый бакалейщик станет завертывать в них селедку»[19].

Осенью 1918 года во многих городах и деревнях развалившейся империи исчезли ненавистные символы старого рейха. Акт освобождения произошел в форме сноса имперских памятников и замещением их культом добровольческих корпусов и легионов, боровшихся с Австро-Венгрией[20]. В Праге после событий 28 октября 1918 г. снесли памятник Францу-Иосифу, а мост императора Франца переименовали в мост «Легионов». В Братиславе памятник Марии Терезии был снесен в октябре 1921 г. В Карловых Варах эпопея со сносом памятника Францу-Иосифу длилась до 1925 г., когда в силу вступил знаменитый закон о защите республики. Судетские немцы хотели его сохранить, а чешская часть горожан настаивала на сносе. Исключением стала Венгрия, где в 1919 г. коммунисты снесли памятники Фердинанду I, Карлу III, Марии Терезии, Леопольду II и Францу-Иосифу (последний они разбили) на площади героев, а М. Хорти их вернул на место, и окончательно их оттуда убрали лишь после прихода к власти коммунистов после Второй мировой войны. Этот пример символизирует различное отношение к габсбургскому прошлому в истории вишеградских стран.

В Чехословакии отношение к габсбургскому прошлому после приобретения независимости определялось концепцией первого президента Т.Г. Масарика, не оставлявшей шансов на ностальгию, хотя еще Ф. Палацкий писал об империи Габсбургов как пристанище малых народов, зажатых между Россией и Германией. Среди межвоенных планов устройства региона наиболее близким к осуществлению казался план Дунайской конфедерации, разработанный Миланом Годжей, словацким политиком и премьер-министром Чехословакии в 1935–1938 гг., но до 1939 г. правящий класс в Праге не допускал реабилитации Габсбургов.

Весьма сложная ситуация возникает в Венгрии, понесшей колоссальные потери в результате Трианонского договора. Порожденная Трианоном национальная травма становится важным индикатором развития страны в 1920–1940-е гг. «Трианон, вне всякого сомнения, был одной из крупнейших катастроф в венгерской истории. Мы должны это призна-

[18] Радль, Томаш 1921.

[19] Пророчество писателя не сбылось. Во время выставки к 100-летию со дня смерти императора в Вене – портрет императора из депозитов достали и иллюстрировали новый миф о величии «отца народов».

[20] Judson 2016: 555.

вать даже в том случае, если мысль о ревизии нам представляется невыносимой», – писал по этому поводу Л. Грендель[21]. В Венгрии габсбургский миф приобретает особые очертания. «Золотой век» в восприятии венгерской общественности приходился на период дуализма (1867–1918), когда страна существовала в «исторических границах», венгры не являлись разделенной нацией, экономический подъем вел к росту благосостояния всех слоев общества. По мнению Л. Гренделя, венгерское общество воспринимало распад Австро-Венгрии как результат поражения империи в Первой мировой войне, игнорируя серьезные политические, национальные и экономические противоречия, набиравшие силу в Венгрии до 1914 г.[22] Особое место в венгерском варианте мифа занимал образ императрицы Елизаветы, «королевы-ангела», приложившей массу усилий для достижения дуалистического соглашения в 1867 г. и не раз выступавшей на стороне венгров в последующих конфликтах. Неслучайно в 1932 г. в Будапеште ей устанавливают памятник.

После завершения Первой мировой войны ностальгия интеллектуальной элиты по поводу ушедшего в небытие габсбургского мира объяснялось несколькими причинами. Многие из них потеряли ощущение стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Они наблюдали крах близких им идей либерализма, выросших в недрах Австро-Венгрии. Национализм и партикуляризм новых государств, возникших на развалинах Австро-Венгрии, вызывали у них неприятие, они были воспитаны на имперском универсализме[23]. Образованные современники отмечали быструю деградацию общества после краха империи. Габсбургский миф прочно закрепился в художественной и мемуарной литературе эпохи[24].

Вторая мировая война и наступившая эпоха социализма в странах Центральной и Восточной Европы только укрепили миф о добром императоре Франце-Иосифе и «славных годах» его правления[25]. Все проблемы, с которыми ассоциировалась его политика, отходили на второй план или попросту опускались. Примечательно, что наиболее знаковые символы габсбургского мифа возникли после распада империи и Второй мировой войны, приведших к серьезной исторической травме Австрию. В научной литературе этот процесс объяснялся поиском австрийцами новой идентичности[26]. В результате «австрийство», во многом плавно вытекавшее из габсбургского мифа, противопоставлялось германскому национализму и российскому авторитаризму. Габсбургский миф должен был отвлечь внимание от трагедий мировых войн, от коричневого кошмара нацизма и совместной ответственности за “Ostmärker” (обозначение австрийцев в период с 1938 по 1942 гг.) за преступления нацистской диктатуры. Так он все больше превращался в миф о добром христиан-

[21] Грендель 2011: 122.
[22] Там же: 123.
[23] Baskar 2003: 1-2.
[24] Крючков 2019.
[25] Claudio 1963: 225.
[26] Tonkn 2008: 9.

ском государстве[27]. После войны габсбургский миф был взят на вооружение австрийскими властями[28]. Официальная политика Австрии состояла в том, чтобы не обсуждать недавнее прошлое. Для консолидации дезориентированной нации нужно было событие /явление, положительно окрашенное для любого жителя страны. Им стал придуманный «золотой век» империи Габсбургов, якобы счастливые и спокойными времена: художники и музыканты собирались в кофейнях, все ели шоколадные пирожные, и из каждого дома звучала музыка Штраусов[29].

Даже в период социализма, когда отношение к истории Австро-Венгрии определялось классовым подходом и негативное отношение к Габсбургам было устоявшейся нормой[30], габсбургский миф прорывался через идеологические оковы, чаще всего в литературе и кинематографе[31]. Многие центрально-европейские интеллектуалы в 1950–1960-е гг. в имперском прошлом видели проявление европейскости региона в его противостоянии с советским авторитаризмом. Так, благоприятную основу для возрождения габсбургского мифа породили в чехословацком обществе переводы произведений австрийских писателей в 1960-е гг., а также публицистика бывших диссидентов. Группа интеллектуалов во главе Э. Гольдштюкером вновь открывают для себя Ф. Кафку, меняя некоторые оценки самой Австро-Венгрии. В Польше постепенно идет процесс реабилитации польского наследия в Галиции. В 1986 г. в Будапеште восстановили снесенный после войны памятник императрицы Елизавете, что по сути означало частичную реабилитацию Габсбургов на официальном уровне. «Историческая память» подталкивала эти тенденции.

В 1950–1980-е гг. в исторической памяти народов Центральной Европы прошлое империи Габсбургов переживает трансформацию, несмотря на утверждения официальной идеологии. Коллекционирование марок, открыток, денежных знаков и монет в это время также отражает данный процесс. Новое поколение, родившееся после распада империи, воспринимало ее идеализированно. Миф воплощал в себе толерантность и стабильность в Европе. Появляется интерес к использованию габсбургского наследия для развития туризма.

С распадом социалистической системы ситуация меняется радикальным образом. Вступление стран Вишеградской четверки в Европейский союз послужило причиной «ренессанса» габсбургского мифа. Золотые звезды на флаге ЕС стали напоминанием для чудесных взаимоотношений, связывающих дом Габсбургов с Девой Марией.

С этого времени отношение к историческому прошлому империи заметно корректируется в Чехословакии, чему во многом способствова-

[27] Ляйдингер 2020.
[28] Крючков, Крючкова 2019.
[29] Примерно такую картину мы видим в книге французского популяризатора истории: Кар де Жан 2017.
[30] Pölöskej 1970; Urban 1978, 1982.
[31] Christensen 2006: 5.

ло изменение политического климата и «Бархатная революция». Данный процесс в 1980–1990-е гг. активно поддерживали чешские интеллектуалы. Известный диссидент В. Белоградский рассматривал империю Габсбургов как проявление австро-славянского универсализма, способного спасти регион от империализма соседних великих держав и провинциального партикуляризма малых народов региона. В безличной бюрократической власти империи он видел обратную сторону современности, где легитимность заменяется законностью, естественный язык языком науки и политики. – всего того, что составляло основу империи Габсбургов. Писатель и философ М. Кундера, отражая позицию либерально-консервативных кругов, идеализировал империи Габсбургов с точки зрения распространения ею католического универсализма как естественного барьера на пути национализма и тоталитаризма. Один из основателей чешской политологии Р. Кучера представлял либерально-постмодернистскую точку зрения на империю, видя в ней последнее пристанище от дегуманизации Центральной Европы. Горячий сторонник объединенной Европы, Кучера до самой смерти в 2019 г. возглавлял Панъевропейский союз Чехии, пропагандируя наследие Р. Куденхове-Калерги[32]. Чешская историография в конце XX – начале XXI в. также смягчает исторические оценки империи Габсбургов[33].

Интерес к Австро-Венгрии подогревает политик и самый богатый человек страны К. Шварценберг, известный своим высказыванием, что если ЕС не будет способен модернизироваться, то он повторит опыт прекрасной Австро-Венгрии[34]. Представителям ведущих аристократических семей в настоящее время принадлежит весомое место в жизни страны после реституции. Они занимаются восстановлением замков, дворцов, и делают много для поддержания габсбургского мифа.

Венгрия, Чехия и Словакия активно используют габсбургское прошлое для развития туризма. Повсюду в населенных пунктах можно встретить бары, кафе, рестораны, гостиницы, использующие габсбургскую символику. Предлагаются туры по памятным местам империи Габсбургов и их число увеличивается. В 2019 г. Национальное управление по защите памятников Чехии запустило туристический маршрут «Аристократизм Северной Чехии» с посещением замков, представителей известных дворянских семей империи Габсбургов. В Венгрии культивируется образ Сисси. Только в Будапеште, кроме памятника, есть мост ее имени, бульвар, площадь, район города и три улицы. В 2016 г. в Будапеште установили бюст последнему королю из династии Габсбургов Карлу IV. Венгерская историография предпринимает усилия по реабилитации Венгрии в период дуализма[35].

[32] Рудольф Кучера – диссидент, политолог, европеец // https://ruski.radio.cz/rudolf-kuchera-dissident-politolog-evropeec-8140953
[33] Pernes 2001; Veber, Hlavička 2002.
[34] Will the European Union… 2018
[35] Glatz 1995.

В Польше габсбургский миф имеет четко выраженную региональную специфику. В конце XX в. в польском общественно-политическом и научном дискурсе утвердилось мнение о создании поляками на периферии Австро-Венгрии «империи в миниатюре», уменьшенной копии мультикультурной империи Габсбургов, т.н. «галицкий миф». Галиция, управляемая поляками, становится примером мирного сосуществования народов, культур и религий[36]. Польская элита выступает в качестве политического лидера европейцев. Галиция олицетворяла противоположность традиционному польскому национализму и мессианству, потерянную «малую родину»[37].

В современной Польше демонстрация «галицкой европейскости», возникшей в рамках центрально-европейской общности под эгидой Габсбургов, периодически всплывает в общественно-политической жизни страны. В 1995 г., когда Верховный суд Польши признал законность избрания на должность президента страны А. Квасневского, указавшего накануне выборов недостоверные сведения, группа краковских интеллектуалов и политических деятелей предложили установить символическую границу между Галицией (Европой) и бывшим Царством Польским (не совсем Европой), имевшими различную правовую и политическую практику в XIX – начале XX века[38].

Габсбургский миф оказался очень привлекательным на территории бывшей польской части Галиции. В начале 1990-х гг. в магазинах, барах, ресторанах, гостиницах появляется масса вывесок и различной информации, подчеркивающей имперское прошлое региона. Производятся многочисленные товары, демонстрирующие их принадлежность историческому наследию габсбургской Галиции, включая пиво, кондитерские изделия и др. Портреты императора Франца-Иосифа появляются в редакциях периодических изданий, в ресторанах, барах, кафе.

На свою часть «галицкого мифа» претендует и Украина. В современной Украине на территории Галиции с момента получения независимости происходит своеобразное сращивание габсбургского мифа с политической практикой. В результате возникает ярко выраженная региональная идентичность, где опыт вхождения в состав Австро-Венгрии выступает в качестве «европейскости» региона, общности его интересов с Центральной Европой. Подчеркивание имперского прошлого становится неотъемлемым атрибутом жизни современного Львова и других городов украинской части Галиции. В современной западно-украинской литературе четко прослеживается габсбургский миф, в т.ч. в творчестве Ю. Андруховича, Т. Гарилова и др. Они, возвращаясь к культурному коду империи Габсбургов, стремятся подчеркнуть общность интересов Галиции с народами Центральной Европы и ее европейскость[39].

[36] Bialasiewicz 2003: 28.
[37] Ossowski 1967: 210.
[38] Bialasiewicz 2003: 36.
[39] Simonek 2012: 177-178.

«Галицкий миф» как составная часть габсбургского мифа отражает две важные тенденции развития Польши и Западной Украины: во-первых, идеализацию потерянного времени/пространства, «малой родины», во многом объясняемую вынужденными перемещениями населения по разные стороны линии Керзона, имперского величия Кракова и Львова; во-вторых, культивирование образа идеального несуществующего мира социальной, религиозной, культурной и этнической гармонии.

В Словакии, получившей государственность в начале 1990-х, происходит трансформация национальных символов и национальных героев[40]. В процессе конструирования исторической памяти в современной Словакии активно используется и габсбургский миф. На страницах популярного исторического журнала «Хисторицке ревью» публикуются материалы о временах, когда Братислава была местом коронации венгерских королей; открываются венские кафе в Братиславе и словацких местечках; среди культурных достопримечательностей курортных городов Словакии, основание и расцвет которых в основном пришелся на период правления Франца-Иосифа, возникают новые места памяти[41]. На месте музея русско-словацких литературных связей в Бродзянах открывается музей дворянского быта. Институт истории Словацкой академии наук организует конференции и выставки в юбилейные даты: 300-летие Марии Терезии, 100-летие со дня смерти Франца-Иосифа, 100-летие со дня распада Австро-Венгрии. Во время телевизионного опроса «Самый главный словак», организованного в 2019 г. словацким радио и телевидением, Мария Терезия попала в число 100 имен «великих словаков».

Таким образом, габсбургский миф в странах Вишеградской четверки и ее ближайших соседей характеризует, как высказался И. Крастев, «всеобщая ностальгия Центральной Европы по либеральным Габсбургам – лучшее подтверждение тому, что иногда оценить что-то можно, лишь потеряв[42]. Недавние восьмеричные юбилеи (революции 1848 года, распад Австро-Венгерской монархии в 1918 г. и события 1968 года в Чехословакии), которые во многом касались борьбы чешско-словацкого народа за свою независимость и возвращения стран в Европу, стали дополнительными стимулами для вишеградских историков и политиков обратиться к исторической памяти и подтвердить принадлежность стран-наследниц империи Габсбургов к духовным ценностям Дунайского региона и центрально-европейскому проекту. Жители стран Вишеградской четверки в настоящее время рассматривают прошлое империи Габсбургов как часть своего исторического наследия, склоняясь к его идеализации. Сегодня все чаще можно говорить о габсбургском ренессансе, ностальгии по разрушенным памятникам Марии Терезии, Франца-Йосифа, Елизаветы Австрийской. Бурное развитие туризма во второй

[40] Рокина 2016.

[41] Примером может быть музей Сисси в Бардеевских купелях, которые императрица посетила один раз в 1895 г.

[42] Крастев 2018: 14

половине XX – начале XXI в. придало габсбургскому мифу новое звучание. Туристы хотели видеть «красивую открытку», сконструированную из исторического прошлого империи Габсбургов[43]. Всплеск интереса к габсбургскому наследию Вишеградской Европы показал, что императорско-королевская монархия не исчезла бесследно в 1918 г. Если первоначально она сохранилась лишь социально и психологически, то в дальнейшем она была мифологизирована деятелями культуры, историками и политиками.

Сведения о грантах / Grant information

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-00279) / This article has been prepared with financial support from of the Russian State Science Fund (project no. № 20-09-00279)

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Белоградский В. Живая плоть против мундира // Континент. 1986. № 2. С. 219-240. [Belogradskij V. ZHivaya plot' protiv mundira // Kontinent. 1986. № 2. S. 219-240].

Ведерников М. Исторические предпосылки вишеградского политического стиля // Современная Европа. 2017. № 7. С. 78-87. [Vedernikov M. Istoricheskie predposylki vishegradskogo politicheskogo stilya // Sovremennaya Evropa. 2017. № 7. S. 78-87].

Воцелка К. История Австрии. М., 2007. [Vocelka K. Istoriya Avstrii. M., 2007].

Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / Под ред. Л.Н. Шишелиной М.: «Весь Мир», 2010. 586 с. [Vishegradskaya Evropa: otkuda i kuda? Dva desyatiletiya po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovakii i CHekhii / Pod red. L.N. SHishelinoj M.: «Ves' Mir», 2010. 586 s.].

Грендель Л. Венгерская травма – венгерское заблуждение/Венгерский гений Венгры, как они видят себя, Венгрию свое место в истории и современном мире. М.: Логос, 2011. С. 115-143. [Grendel' L. Vengerskaya travma – vengerskoe zabluzhdenie/Vengerskij genij Ven-gry, kak oni vidyat sebya, Vengriyu svoe mesto v istorii i sovremennom mire. M.: Logos, 2011. S. 115-143].

Джонстон У. М. Австрийский ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848–1938 / Пер. с англ. М.: Московская школа политических исследований, 2004. [Dzhonston U. M. Avstrijskij renessans. Intellektual'naya i social'naya istoriya Avstro-Vengrii, 1848-1938 / Per. s angl. M.: Moskovskaya shkola politiche-skih issledovanij, 2004].

Кар де Жан. Вена: роман с городом / пер. с франц. яз. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2017. [Kar de ZHan. Vena: roman s gorodom / per. s franc. yaz. M.: Izd-vo Ol'gi Morozovoj, 2017].

Кишш- Семан Чаба Д. Вишеградское родство. Варшава, 2016. 242 с. [Kishsh- Seman CHaba D. Vishegradskoe rodstvo. Varshava, 2016. 242 s.].

Комлева Ю.Е. Габсбургская школьная политика как способ формирования общегосударственной идентичности в Австро-Венгрии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2014. №1(124). С. 106-125. [Komleva YU.E. Gabsburgskaya shkol'naya politika kak sposob formirovaniya obshche-gosudarstvennoj identichnosti v Avstro-Vengrii // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 2014. № 1(124). S. 106-125.].

Крастев И. После Европы // пер. с англ. А. Никитиной. М.: Изд. дом ДЕЛО, 2018. [Krastev I. Posle Evropy // per. s angl. A. Nikitinoj. M.: Izdatel'skoj dom DELO, 2018.].

Крючков И.В. Вена и Будапешт: два имперских центра и текстах российских путешественников // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 213-227. [Kryuchkov I. V. Vena i Budapesht: dva imperskih centra i tekstah rossijskih puteshestvennikov // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 39. S. 213-227].

Крючков И.В., Крючкова Н.Д. Историческая память и габсбургский миф: посттравматический синдром человека XX века и товар общества массового потребления // Диалог со временем. 2019. № 6. С. 86-99. [Kryuchkov I.V., Kryuchkova N.D. Istoricheskaya pamyat'

[43] Auf den Spuren der Habsburger: Anatomie eines Mythos// Die Presse. Print-Ausgabe. 17.07.2011.

i gabsburgskij mif: post-travmaticheskij sindrom cheloveka XX veka i tovar obshchestva massovogo po-trebleniya // Dialog so vremenem. 2019. № 6. S. 86-99].

Ляйдингер Х. Конец монархии Габсбургов – причины и последствия // Новая и новейшая история. Т. 64. № 2. 2020. С. 11-26. [Lyajdinger H. Konec monarhii Gabsburgov – prichiny i posledstviya // Novaya i novejshaya istoriya. T. 64. № 2. 2020. S. 11-26].

Рокина Г.В. Интерпретации трактата словацкого патриота Л. Штура «Славянство и мир будущего» в отечественной и зарубежной историографии // Историческое произведение как феномен культуры. Вып. 10. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. С. 77-88. [Rokina G.V. Interpretacii traktata slovackogo patriota L. SHtura «Slavyanstvo i mir budushchego» v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii // Istoricheskoe proizvedenie kak fenomen kul'tury. Vyp. 10. Syktyvkar: Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2016. S. 77-88].

Шишелина Л.Н. Возрождение Центральной Европы // Вишеградская Европа: Центрально-европейский журнал. 2019. № 1-2. URL: http://visegradeurope.ru/wp-content/uploads/2019/10/2-Shishelina.pdf [SHishelina L.N. Vozrozhdenie Central'noj Evropy // Vishegradskaya Evropa: Central'noevropejskij zhurnal. 2019. № 1-2. URL: http://visegradeurope.ru/wp-content/uploads/2019/10/2-Shishelina.pdf].

Яси О. Распад Габсбургской монархии. М.: Три квадрата, 2011. [YAsi O. Raspad Gabsburgskoj monarhii. M.: Tri kvadrata, 2011]

Auf den Spuren der Habsburger: Anatomie eines Mythos // Die Presse. Print-Ausgabe. 17.07.2011.

Barša: Habsburský mýtus // https://www.novinky.cz/kultura/salon/clanek/pavel-barsa-habsbursky-mytus-40285446

Baskar B. Ambivalent Dealings with an Imperial Past: The Habsburg Legacy and New Nationhood in ex-Yugoslavia Wien Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2003. P. 1-21.

Bialasiewicz L. Another Europe: remembering Habsburg Galicja // Cultural Geographies. 2003. № 10 (1). P. 21-44.

Claudio K. Il mito absburgico nella letteratura austriaca moderna. Turin: Einaudi, 1963.

Christensen P.G. "Szabó's Colonel Redl and the Habsburg Myth" // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2006. V. 8.

Habsburgs Last War: The Filmic Memory (1918 to the Present). Cinematic and TV Productions in the Neighbouring and Succesor States of the Danube Monarchy: Austria, Czechia-Slovakia, Germany, Hungary, Italy, Poland, Romania, Russia, Serbia, Slovenia / Ed. by H. Leidinger. New Orleans, 2018.

Glatz F.Ed. Hungarians and Their Neighbors in Modern Times. 1867–1950. N.Y. Columbia University Press, 1995. 347 p.

Judson P.M. Habsburg. Geschichte eines Imperiums 1740–1918. Munchen, 2017.

Judson P.M. The Habsburg Empire: A New History. Cambridge (Mass.): The Belnap Press of Harvard University Press, 2016. 567 p.

Magris C. A közép-európai kultúra ereje// https://m.magyarnarancs.hu/konyv/a-kozep-europai-kultura-ereje-79666/?pageId=75

Ossowski S. Z zagadnien psychologii spolecznej. Warsaw: PWN, 1967.

Pernes J. Pod habsburským orlem. České země a Rakousko-Uhersko na přelomu 19 a 20 století. Praha: Brana, 2001. 205 s.

Pölöskej F. Kormanyzati politika és parlament: ellenzék 1910–1914. Budapest: Akademiai Klado, 1970. 258 s.

Simonek S. Der Habsburger-Mythos als Moment einer regionalen Identität Galiziens? : (Beispiele aus der zeitgenössischen ukrainisch-galizischen Literatur) // Dialogy o slovanských literaturách : tradice a perspektivy. Dohnal, Josef (ed.); Zelenka, Miloš (ed.). 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2012. P. 177-186.

Thompson H. The Habsburg Myth and the European Union"/ Europe's Malaise (Research in Political Sociology, Duina, F. and Merand, F. (Ed.). Vol. 27. Emerald Publishing Limited, 2020. P. 45-66.

Tonkn K. Joseph Roth's March Into History: From the Early Novels to Radetzkymarsch and Die Kapuzinergruft. Rochester-New York, Camden House, 2008. 233 p.

Unterreiner K. Die Habsburger: Mythos Wahrheit Gebundene Ausgabe. Graz: Styria Premium, 2011.

Urban O. Kapitalismus a česká společnost v 19. století. Praha: Svoboda, 1978. 378 s.

Urban O. Česká společnost. 1848–1918. Praha: Svoboda, 1982. 690 s.
Veber V., Hlavička M., Dějiny P. Rakouska. Praha: Lidové noviny, 2002. 543 s.
Vocelka K., Vocelka M. Cizar rakusky a kral uhorsky 1830–1916. Biografia. Bratislava: Citadella, 2019. 472 s.
Will the European Union–like the continent's old empires–also be swept away? / https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-09/

Галина Викторовна Рокина, *доктор исторических наук, профессор, заведующая, учебно-исследовательская лаборатория этногендерных исследований, Марийский государственный университет; galina@rokina.ru*

Крючкова Наталья Дмитриевна*, кандидат исторических наук, доцент, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет.*

Игорь Владимирович Крючков, *доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, igory5@yandex.ru*

The Habsburg myth in historical memory of Visegrad Europe and its neighbors

Contemporary political and cultural processes in the European Union countries actualized old myths, a separation from which seemed final. The authors of the article analyze the process of a peculiar renaissance of the so-called Habsburg myth in Central European countries that preserved an experience of cohabitation in the empire of Austrian Habsburgs in their historical memory. Contemporary mythology does not limit to theoretical constructions and serves as a tool forming historical memory of the Visegrad Europe countries that became considerable opponents in policy of Brussels in the last years. The origins of the idea of Visegrad relationship and transformation of the Habsburg myth in the interwar period and after the Second World War are considered in the article. The article deals with examples of hierarchy of the Habsburg myth in political and cultural spheres and in a daily life of Visegrad Europe nations and their immediate neighbors.

Keywords*: Visegrad Europe, the Habsburg myth, historical memory, Habsburg renaissance, multicultural empire of the Habsburgs, Galician myth*

Galina Rokina, *Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Centre for Ethno-gender studies, Mari State University; galina@rokina.ru*

Natalia Kriuchkova*, PhD (History), Associate Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Chair, North-Caucasus Federal University; intist08nk@yandex.ru*

Igor Kryuchkov, *Dr. Sc. (History), Professor, Chair of Foreign History, Political Sciences and International Relationships, North Caucasus Federal University; igory5@yandex.ru*